

с «проповедью» Ткачева, Морозов, Русанов, Тверитинов дают основание предполагать, что «Набат» в ближайшей для того времени перспективе мог стать изданием, вокруг которого объединились бы леворадикальные силы русских социалистов. Из воспоминаний современников следует и тот вывод, что идеи Ткачева пережили их творца.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бонч-Бруевич В.Д. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Красная летопись. – 1932. – № 3(48). – С. 110-115.
2. Вахрушев И.С. Очерки истории русской революционной печати 1873 – 1886 гг. – Саратов, 1980. – 250 с.
3. Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. – СПб. 1920. – 86 с.
4. Морозов Н.А. Повесть моей жизни. Мемуары. – М., 1965. – Т. 1. – 300 с.
5. Об объявлении приговора Н.Г. Чернышевскому, распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом воспоминания Алексея Тверитинова. – СПб. 1906. – 140 с.
6. Пустарнаков В.Ф. Шахматов Б.М. П.Н. Ткачев – революционер, публицист, мыслитель // Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. – М., 1976. – Т. 1. – С. 5-92.
7. Рудницкая Е.Л. Петр Ткачев: Русский Бланкизм // История СССР. 1991. – № 3. – С. 100-116.
8. Русанов Н.С. В эмиграции. – М., 1929. – 330 с.
9. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. – М. 1964. – Т. 1. – 280 с.
10. Шахматов Б.М. Библиографическое послесловие // Ткачев П.Н. Сочинение в двух томах. – М. 1976. – Т. 2. – С. 596-625.

УДК 745/749 (470-25) “1880-1890”

Малярова А.В.

Московский государственный областной гуманитарный университет

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880-Х–1890-Х ГОДАХ*

A. Malyarova

Moscow State Regional Humanitarian University

SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATION OF DOMESTIC INDUSTRIES OF MOSCOW PROVINCE IN 1880-1890TH YEARS

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в социально-экономическом строе промысловых хозяйств Московской губернии во второй половине XIX в., происходившие в результате общей трансформации экономики страны. Несмотря на сохранение в целом традиционного характера хозяйственного уклада кустарей, модернизационные процессы создавали в кустарной промышленности региона динамическую систему, результирующуюся в генеральное направление дифференциации земледельческой и промышленной отрасли сельской экономики.

Ключевые слова: кустарные промыслы, традиционное хозяйство, модернизация, домашняя форма организации крупного производства.

Abstract. In the article the variations in social and economic base of trade facilities of Moscow province in the second half of the XIX-th century which are resulted from the general transformation of national economy are considered. Despite the conservation of traditional character of economic way of handicraftsmen, modernization processes created a dynamic system in the domestic industry of the region, resulting in the general direction of differentiation of agricultural and industrial branch of rural economy.

Key words: handicraft, traditional economy, modernization, domestic industry.

* © Малярова А.В.

Находясь на стыке традиционной и индустриальной отрасли хозяйства, кустарные промыслы особенно чутко реагировали на малейшее колебание экономической конъюнктуры. Тем более тяжело отражались на материальном положении кустарей периодически возобновляющиеся с 1880-х гг. промышленные кризисы. Первые признаки кризиса стали проявляться после промышленного подъема 1860-х гг. в 1873–1887 гг.

Большая масса бумажных денег, выпущенных во время Крымской войны, стимулировала повышенный спрос на продукцию отечественной промышленности. Покупательную способность рубля поддержал приток валюты от экспортных поставок зерна, совпавших с неурожаем за границей и высокими ценами на продукцию сельского хозяйства. Однако в отличие от временных конъюнктурных условий, стимулировавших пореформенный рост промышленности, другие, стабильные факторы, а именно низкий уровень эффективности аграрной отрасли хозяйства и обусловленный им низкий уровень благосостояния и покупательной способности населения России, определили обвал рынка промышленной продукции в начале 1880-х гг. Причем «неслыханный в истории промышленности кризис» спровоцировало именно пореформенное форсированное расширение фабричного производства и перенасыщенность рынка промышленной продукцией. Ситуацию усугубил неурожай в течение нескольких лет [9, 102].

Глубина и масштабы грянувшего с начала 80-х гг. XIX в. кризиса были несоизмеримы с кризисными явлениями середины 70-х гг. того же столетия. Помимо масштабов, кризис 1881–1882 гг. отличался большей степенью вовлечения в его орбиту других отраслей экономики, в том числе и кустарной промышленности, что свидетельствовало о значительной ее трансформации.

Вовлечение некогда традиционных кустарных промыслов в сферу функционирования капиталистического хозяйства, в том числе крупной капиталистической промышленности, вело к фундаментальным измене-

ниям их строя. Дело в том, что традиционные промыслы могли существовать только в органичной взаимосвязи с сельскохозяйственной отраслью крестьянских хозяйств. Кустари изготавливали свой товар, не учитывая в стоимости затрат собственного труда, транспорта, сырья, поставляемого земледелием, животноводством и собственным подворьем. Уменьшение цены вновь производимого продукта мелких сельских промышленников ниже себестоимости, таким образом, компенсировалось за счет традиционной отрасли хозяйства. Именно благодаря наличию симбиоза сельскохозяйственного и промышленного направлений экономики крестьян-промышленников они, как правило, выигрывали в конкурентной борьбе с городскими ремесленниками. Эту фундаментальную особенность кустарной промышленности отмечал В.П. Воронцов [1, 1-44]. «Хорошо живет и платит только такой крестьянин, – писал в донесении елмановский волостной писарь Можайского уезда С.М. Кочетов, – который сам обрабатывает землю в летнее время и занимается сторонними заработками зимой – он, по большей части, живет посерей. Но и хлебней, т. е. не пьет чаю и вина, но ест хороший хлеб, мясо своей скотины и кашу»¹.

Таким образом, наиболее благоприятными для благосостояния кустарного ремесленного населения являлись такие условия, которые создавали возможность вести промысел без отрыва от традиционного хозяйства (в данном случае имеется в виду не только отход кустарей на фабрику или другие регионы для заработка в мелком промышленном производстве, но и смещение центра тяжести в сторону промышленных занятий). Выход кустаря за пределы сложившегося механизма придавал его деятельности и принципиально иной социальный смысл и добавлял в качестве хозяйственных рисков, кроме недоходов, промышленные кризисы.

Разрушение традиционного содержания кустарных промыслов, приспособление промышленных занятий крестьян к условиям

¹ Центральный исторический архив архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 191, оп. 6, ед. хр. 11, л. 18.

модернизации (смещение центра тяжести крестьянских бюджетов в сторону неземледельческих заработков, включение кустарей в орбиту фабричного производства: в централизованной или домашней форме, концентрация мелкого производства до уровня мануфактурной, фабричной индустрии и т. д.) трансформировало весь хозяйственный процесс крестьянских промышленных промыслов, подчиняло его механизму, действующему по законам индустриального общества. Поэтому спад промышленности, а тем более ее кризис, вели к массовому обнищанию кустарей.

Вместе с тем связь кустаря с традиционным хозяйством в 1880-е гг. оставалась значительной. Иллюстрацией этому может служить хозяйственная ситуация, сложившаяся в губернии в урожайный 1887 г. после очередного промышленного кризиса. Вопреки утверждению о том, что именно неэффективность сельскохозяйственного производства стимулировала крестьянские промышленные занятия, именно удачный, в плане продуктивности земледелия, год вызвал всплеск активности кустарей. Вот что говорилось в обзоре донесений корреспондентов в губернский Статистический комитет: «Крестьянин, уверившись в том, что со стороны продовольствия ему не грозит беды, должен был прежде всего позаботиться об улучшении своего жилища, поправку которого он откладывал в неурожайные годы. Со стороны г.г. корреспондентов идут указания, что “вследствие урожая происходит большой спрос на работу плотников и печников” (Верейский и Можайский уезды), что, “вследствие большого спроса на плотничную работу весной 1888 г., многие стали плотничать, получая 50 к., 80 к. и 1 р. в день на хозяйских харчах” (Клинск. у.). В связи вероятно с этим увеличением спроса на плотничную и печную работу стоит и то обстоятельство, что поденная плата на кирпичных заводах женщинам – 30 к., а подросткам 25 к., увеличилась с 29 июня сего года на 10 к., как тем, и другим (Звенигородск. у.). Тем же усилением строительных работ надо объяснить

и то, что приготовление стружки для крыш, делаемой из осиновых дров, не смотря на то, что сажень их (однополенных) поднялась в цене с 2 р. 50 к. до 4-х рубл., все-таки давало выгодный заработок прошлую осень и весну (Можайск у., Борисовск. в.)» [5, 2].

Повышение активности промышленной деятельности кустарей вызвало рост потребительского спроса на продукцию лесных промыслов [5, 3], продукцию ящичников Рузского и Звенигородского уездов [5, 4]. «Мебельные изделия шли ходче, – сообщалось из Московского уезда, – цена на них, хотя и не повысилась, но товар брали охотно, тогда как ранее или приходилось отдавать за бесценок, лишь бы взяли, или везти назад». Столярные изделия серпуховских кустарей (киоты, мебель, шкафы) «сбывались в Москве много лучше прошлого года». Кустари Клинского уезда, производившие деревянную посуду, «жаловались меньше на свою захудалость» [5, 5]. С весны 1888 г. оживился гребенный промысел в Дмитровском уезде и т. д. [5, 6].

Замечательно, что, положительно влияющее на рост мелкого промышленного производства, удовлетворительное состояние сельскохозяйственной отрасли кустарей имело прямо противоположные последствия в фабричных промыслах. Как отмечал один из корреспондентов, «при дешевизне хлеба крестьяне, как говорят фабричные мастерки, ленятся работать» [5, 9].

Тесная связь кустарей с традиционным земледельческим производством проявлялась в корреляции ежегодной урожайности крестьянских полей и уровня отходничества на промышленные занятия. В благоприятные годы крестьяне предпочитали отходу оседлый образ жизни и довольствовались небольшими заработками на месте [5, 11].

Обратную картину влияния ситуации в сельскохозяйственной отрасли крестьян на кустарное производство дал неурожайный 1891 год.

В статистическом ежегоднике за 1892 г. говорилось: «Цены на товар упали, фабриканты продают свой товар чуть не с убытком, а многие из них прикрыли свои фабрики для

того, чтобы самим идти в работники к более состоятельным фабрикантам. Женские заработки тоже очень плохи... Хозяйка жалуется на совсем плохой сбыт товаров, вследствие чего и плата на все работы весьма понизилась... Дороговизна муки и плохое состояние зимних заработков многих крестьян, которые едят покупной хлеб, привело в весьма трудное состояние, так что многие вынуждены были надеть суму...» [7, 2].

Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что кустарная промышленность Московской губернии была тесно связана со всероссийским рынком и удовлетворяла потребности «не одного только местного потребления». «В самом деле, неурожай, посетивший в прошлом году Россию, лишил несколько миллионов человек возможности хоть сколько-нибудь сносно удовлетворить самые необходимейшие потребности в течение целого года, следовательно, вся эта многомиллионная масса голодающего люда должна была отказаться от потребления продуктов кустарной или фабричной промышленности» [7,3].

Сказанное хотелось бы закончить точной характеристикой, данной кустарной промышленности земскими статистиками в 1887 г.: «в брожении экономических сил ... замечается, что тип населения, строй его занятий еще не установился. Видно лишь одно, что основу всего строя составляет земледелие, даже там, где, по-видимому, в населении уже давно установился навык к промышленным занятиям» [4, 28].

Динамику численности и развитие направлений социально-экономической трансформации кустарных промыслов Московской губернии, оформившихся в пореформенные десятилетия, позволяют проследить материалы двух местных обследований: 1877–1882 гг. и 1898–1900 гг. [2, 1-176].

Сравнение численности кустарей, занятых однородными промыслами, показывает прямо противоположные тенденции, отражавшие сложность и противоречивость процессов, происходивших в кустарной промышленности.

В некоторых отраслях уменьшение количества промыслового населения достигало значительных размеров, несмотря на общий рост численности кустарей.

Увеличился наметившийся в первые пореформенные десятилетия «разлом» традиционных промыслов, в результате которого оставшиеся в прежнем экономическом формате кустарные производства, работавшие на массовый, непритязательный спрос, постепенно деградировали, давая толчок новым специализациям кустарей, отличающихся эксклюзивными свойствами производимой продукции.

Так, например, некогда единый столярный промысел, выпускавший всю необходимую промышленную продукцию, от примитивных ящиков до примитивной крестьянской (белой) мебели, дифференцировался и генерировал новый промысел сложной, «гнутой» мебели, продолжавший развиваться даже в годы общего промышленного кризиса.

В логику указанных тенденций укладываются показатели динамики по другим промыслам: продолжали развиваться высокохудожественные промыслы по производству изделий из папье-маше, вышивальное и кружевное производства; испытывая конкуренцию со стороны крупных фабричных заведений, сокращались кожевенно-скорняжное, слесарно-кузнечное, сапожное, кирпичное производства.

Аналогичный деревообрабатывающему промыслу процесс дифференциации испытывала кустарная кожевенная промышленность. Выделив из своей среды отдельную ветвь переработки крупного кожевенного сырья, вставшую на капиталистический путь развития и представленную, в основном, крупными мастерскими, оставшаяся масса кустарей занималась выделкой мелких кож, постоянно терявшей свою доходность [8, 5].

В отличие от промыслов, требующих особых навыков и художественного вкуса, благоприятное состояние пуговичного производства обуславливалось тем, что относительно молодая российская фабричная промышленность, рожденная прежде всего

в интересах и в результате поддержки государства, сосредотачивалась прежде всего в отраслях тяжелой индустрии и во второй половине XIX в. оставляла обширные прорехи в производстве товаров народного потребления. Конечно, там, где позволяло внедрение пооперационного разделения и механизации труда, там благоприятные условия для развития кустарной промышленности были явлением временным, и по мере развития фабричной индустрии замещались условиями конкуренции.

Щеточный промысел, помимо всего прочего, поддерживали в удовлетворительном состоянии казенные заказы из армии [6, 23].

В числе сокращающихся отраслей кустарной промышленности оказались ткацкие отрасли, работающие на фабрику (в производстве шерстяных тканей число кустарей уменьшилось на 70,5%, парчевом и позуменном – на 20,0%). Причем, это сокращение происходило на фоне общего роста фабричного ткачества. Дело в том, что экономический симбиоз мелкого кустарного и крупного фабричного производства, на котором основывалось ручное ткачество кустарей, выполнявших фабричный заказ на дому или светелке, имел свои пределы. Домашняя, светелочная или «фабричковая» организация ручного труда кустарей на крупный промышленный капитал имела смысл только, во-первых, в рамках технологических операций, не требующих высокого качества изготавливаемой продукции (например, ткачестве мешковины), или ограничивалась не требующими квалификации, но трудозатратными операциями, подготавливающими сырье к переработке; во-вторых, в рамках условий, сохраняющих минимум заработной платы, позволявшей кустарям получать доход не ниже того, который они могли получить в своем земледельческом хозяйстве. Однако в случае, когда доведенные до этого минимума затраты фабрикантов на оплату кустарям превышали возможные расходы на механизацию ручного труда, мастер-надомник безжалостно вытеснялся машиной. «Выгодность заработков, преимущественно

ткацко-фабричных, – говорится в статистических материалах 1887 г., – ручными станками из года в год уменьшается». Только за пять с небольшим лет с 1880 г. заработки кустарей, ткущих на дому хлопчатобумажные ткани, уменьшились на 54,2% [4, 9].

На протяжении 80–90-х гг. XIX в. наблюдался процесс централизации фабричного ткацкого производства и сокращение численности занимавшихся ткачеством на дому. Особенно быстро этот процесс шел в хлопчатобумажной промышленности. Вытеснение ручного производства механическим наблюдалось и в шелкоткачестве [3, 11].

Марксистская историографическая традиция освещения капитализации кустарных промыслов второй половины XIX в. складывалась под влиянием двух идеологических постулатов. Согласно первому, мелкое производство являлось лишь основой или строительным материалом крупного производства, долженствующего стать материальной предпосылкой социализма. Второе, непосредственно связанное с первым, имеющее цель обосновать достигнутую зрелость условия построения нового общества, декларировало всеобщность кустарной рассеянной формы крупного капиталистического производства.

Эти положения, безусловно, имевшие основания в общественной практике второй половины XIX в., требуют существенной корректировки. Мелкое кустарное производство, действительно становившееся источником пополнения крупного промышленного капитала и наемной рабочей силы, генерировало собственную экономическую «нишу», в пределах которой функционирование крупной промышленности было нецелесообразно. В формате этого пространства «обосновались» высокохудожественные промыслы, обеспечивающие эксклюзивные и малосерийные потребности населения, и производства, в которых основную долю вновь создаваемого продукта составляли трудовые затраты кустарей. Отсутствие видения собственной парадигмы развития мелкой кустарной промышленности в индустри-

альную эпоху в марксистской историографии значительно обедняло общую историческую картину модернизации этого сегмента до-революционной экономики России, а после завоевания власти коммунистами вылилось в политическую установку на обязательное социалистическое преобразование мелкого производства в обобщественное крупное.

Освоение кустарных промыслов крупным промышленным капиталом также имело свои функциональные пределы. Границы этого поля характеризовались устойчивой тенденцией к сужению. Логика развития фабричной индустрии предполагала продолжающийся процесс ее централизации, сокращавший возможность развития домашней формы организации крупной промышленности.

Основу социально-экономической стабильности мелких сельских промышленных субъектов составляла их традиционная отрасль – земледелие. Несмотря на существенную трансформацию экономического уклада кустарей под влиянием модернизационных

процессов, связь промышленных занятий крестьян с аграрной сферой оставалась основополагающим свойством кустарных хозяйств.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России. – СПб., 1886. – 234 с.
2. Московская губерния по местному обследованию. 1898–1900 гг. Т. III. Комбинационные таблицы. Вып. 1. – М., 1907. – 516 с.
3. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1885 г. – М., 1896. – 483 с.
4. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1887 г. – М., 1888. – 812 с.
5. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1888 г. – М., 1889. – 412 с.
6. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1889 г. – М., 1889. – 397 с.
7. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1892 г. – М., 1893. – 402 с.
8. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1895 г. – М., 1896. – 564 с.
9. Чупров А.И. Россия вчера и завтра. Статьи. Речи. Воспоминания. – М., 2009. – 437 с.